

В.А. Кузнецов

**П.А. ВЯЗЕМСКИЙ, В.А. ЖУКОВСКИЙ,
А.С. ПУШКИН И БОРОДИНО, ИЛИ ЗА ЧТО
КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ КРИТИКОВАЛ
ЖУКОВСКОГО И ПУШКИНА**

Известно, что одними из очень близких друзей А.С. Пушкина в пору его становления как поэта и в пору его зрелости были В.А. Жуковский и князь П.А. Вяземский, сыгравшие большую роль в жизни Пушкина, будучи его поэтическими наставникам и преданными его поклонниками и почитателями таланта. Пушкин считал их самыми большими авторитетами. Авторитетом для поэта также являлся и Д.В. Давыдов, поэзией которого восхищался еще лицеист-подросток Пушкин, признавший, что Давыдов, один из тех, кто, покрытый «славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года»¹, «дал ему почувствовать... возможность быть оригинальным»².

Дружба П.А. Вяземского с юным Пушкиным началась в 1815 г., со времени создания «Арзамасского общества безвестных людей» (литературного кружка), объединившего в своих рядах В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, Д.В. Давыдова и других стихотворцев. Вяземский рано угадал гениальное дарование в самом юном «арзамасце» – А. Пушкине.

Истинность дружбы членов «арзамаса» проявлялась в позитивной критике творчества друг друга, о чем свидетельствует содержание обширной переписки между ними, посвященной многим аспектам творчества и сторонам жизни. Ведущая роль в этом треугольнике (Жуковский – Вяземский – Пушкин) принадлежала авторитетному князю Вяземскому, который «был умом оригинальным, принадлежа к лучшему литературному кругу двадцатых и тридцатых годов...»³. Дружба с поэтами, тем не менее, не помешала Вяземскому самым резким образом осудить Жуковского и Пушкина за содержание известных трех стихотворений («Старая песня на новый лад» В. Жуковского; «Клеветникам России» и «Бородин-

ская годовщина» А. Пушкина), опубликованных на разгром Польского восстания 1830–1831 гг.⁴

Так, 14 сентября 1831 г. Вяземский делает следующую запись о Жуковском в своей записной книжке: «Вот что я, было, написал в письме к Пушкину сегодня и чего не послал... Охота ему было писать шинельные стихи⁵ ... и не совестно ли певцу в стане Русских воинов⁶ ... сравнивать нынешнее событие с Бородиным? (курсив мой. – В.К.) <...> Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грошь поэзии... Очень хорошо и законно делает господин, когда приказывает высечь холопа, который вздумает отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все же нет тут вдохновений для поэта. Зачем перекладывать в стихи то, что очень кстати в политической газете. Признаюсь, что мне хотелось здесь оцарапнуть и Пушкина, который также, сказывают, написал стихи... Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворческого побуждения, тут просто русское невежество... Мы удивительные самохвалы... Как мы ни радуся, а все похожи мы на дворню, которая в лакейской поет и поздравляет барина с именинами, с пожалованием чина и проч. Одне песни 12-го года могли быть несколько на другой лад, и потому Жуковскому стыдно запеть иначе...»⁷ Так Вяземский охарактеризовал стихи В. Жуковского «Старая песня на новый лад» и «Русская слава», в которых тот воспел подавление восстания поляков как историческое возмездие за унижение Москвы во времена «смуты»⁸.

В заметке от 15 сентября он снова обращается к упомянутым стихам Жуковского. Вяземский их оценивает следующим образом: «...как ни говори, а стихи Жуковского... Для меня они такая пакость, что я предпочел бы им смерть. Разумеется, Жуковский не переломил себя, не кривил совестью, следовательно, мы с ним не сочувственники, не единомышленники. Впрочем, Жуковский слишком под игом обстоятельств, слишком под влиянием лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистоте и девственности их... Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича⁹... курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь...»¹⁰ И что опять за святотатство сочетать Бородино с Варшавою?»¹¹.

П. Вяземский в очередной записи 22 сентября говорит о знаменитом стихотворении Пушкина «Клеветникам России»¹², что тот «кажет европейцам шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на вопросы, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европе любить нас?»¹³

Вяземский далее пишет: «Мне также уже надоели эти географические фанфаронады наши: от Перми до Тавриды и проч. Что же тут хорошего, чем

радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст... Это глупое ребячество, или постыдное унижение. Нет ни одного листка „Journal des Debats“, где не было бы статьи, написанной с большим жаром и с большим красноречием, нежели стихи Пушкина в Бородинской Годовщине¹⁴. Там те же мысли, или то же бессмыслие»¹⁵.

Таким образом, П. Вяземский, который в течение многих лет служил в Варшаве и хорошо знал польское общество, осуждает позицию В. Жуковского и А. Пушкина, выразившуюся, по его мнению, в преувеличении роли подавления восстания поляков в истории России, в приравнивании этого события к величайшей битве на «полях Бородина».

Однако Вяземский тоже, как и Жуковский, и Пушкин, не одобряет восстания, считая его вспышкой бессмысленного фанатизма: «Со всем тем я уверен, что все это происшествие – вспышка нескольких головорезов, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря»¹⁶. Для него необходимость подавления восстания – это в первую очередь необходимость наведения порядка. Но Вяземский протестует и против разгула русского шовинизма.

Державную позицию Пушкина разделяли в обществе не все. Негативно восприняли позицию Пушкина авторитетные для поэта братья Тургеневы. Александр Тургенев писал брату Николаю: «Твоё заключение о Пушкине справедливо: в нём точно есть ещё варварство»¹⁷, поясняя, однако: «Он только варвар в отношении к П[ольше]. Как поэт, думая, что без патриотизма, как он его понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства»¹⁸.

Необходимо отметить, что Вяземский указывал Жуковскому и Пушкину на эстетико-идеологические несуразицы в их творчестве не только в качестве их ближайшего друга, но и как участник Бородинского сражения. П.А. Вяземский, охваченный общим воодушевлением 1812 года, добровольцем вступил в народное ополчение¹⁹ несмотря на то, что родные отговаривали его от этого шага, и в чине поручика принимал участие в этой битве. Из воспоминаний самого Вяземского мы знаем, что он никогда не готовился к военной службе, что его наклонности не располагали к несению воинской службы. По его словам, он был посредственным ездоком на лошади, никогда не брал в руки оружия²⁰. Генерал Милорадович, знавший Вяземского, будучи проездом в Москве, предложил Вяземскому быть у него адъютантом²¹. Приехав в Бородино, он переночевал в избе, предназначенной Милорадовичу. Рано утром, перед началом битвы, Вяземский пережил непростые моменты. Автор воспоминаний так описывает начало этого великого дня: «Наскоро оделся я и пошел к Милорадовичу. Все были уже на

конях. Но, на беду мою, верховая лошадь моя, которую отправил я из Москвы, не дошла еще до меня. Все отправились к назначенным местам. Я остался один. Минута была ужасная. Меня обдало холодом и унынием. Мне живо представились вся несообразность, вся комическо-трагическая неловкость моего положения. Приехать в армию, как нарочно, ко дню сражения, и в нем не участвовать! Мысль об ожидавших меня насмешках, подозрениях, толках меня преследовала и удручала... Мне тогда казалось, что если... не добуду себе лошадь, то непременно застрелюсь... По счастью... адъютант Милорадовича, Юнкер, случайно подъехал и, видя мое отчаяние, предложил мне свою запасную лошадь. Обрадовавшись и как будто спасенный от смерти, выехал я в поле и присоединился к свите Милорадовича...»²²

Во время битвы под Вяземским была ранена лошадь. И другой адъютант Милорадовича Д.Г. Бибиков дал Вяземскому свою запасную лошадь. Во время боя за Курганную высоту Вяземский оказался в свите начальника 23-й пехотной дивизии Алексея Николаевича Бахметева. То есть Вяземский был в самом пекле боев за батарею Раевского. Сам Вяземский эти события описывает следующим образом: «Под Бахметевым была убита лошадь. Он сел на другую. Спустя несколько времени ядро раздробило ногу ему... Мы остановились. Ядро, упав на землю, зашипело, завертелось, взвилось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметеве. С трудом уложили мы его на мой плащ и с несколькими рядовыми понесли его подалее от огня. Но и тут, путем, сопровождали нас ядра, которые падали направо и налево, пред нами и позади нас. Жестоко страдая от раны, генерал изъявил желание, чтобы меткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до места перевязки...»²³ За участие в сражении и спасение А. Бахметева князь Вяземский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом при следующей формулировке: «Находясь при генерале от инфантерии Милорадовиче был посылаем с приказаниями в опасные места, которые отдавал с отличною неустрашимостью и расторопностью»²⁴.

Свои воспоминания о войне 1812 года Вяземский заканчивает следующим образом: «Вот и вся моя Илиада! Разумеется, мог бы я, не хуже других, справляясь с реляциями и описаниями войны, войти в более подробный рассказ о положении разных отрядов войска и о движении их на Бородинском поле. Но я никогда и ни в чем не любил шарлатанить. Да, кажется, если б и захотел, не сумел бы. Во время сражения я был, как в темном или, пожалуй, воспламененном лесу. <...> По отсутствию не только всех военных способностей, но и простого навыка, ничего не мог я понять из того, что делалось... я мог бы спрашивать в сражении: „А это

мы бьем или нас бьют?»⁴). Эти честные, искренние воспоминания Вяземский заканчивает очень скромно: «...вот и я, незаметная... песчинка, заявляю существование свое в эпохе 1812-го года...»⁵

Воспоминания Вяземского показывают нам пример того массового патриотизма, которым отмечена эпоха 1812 года и который всегда будет составлять достоинство отечественной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959–1962. Т. 2. С. 430.

² А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 109.

³ Литературное обозрение // Вестн. Европы. 1886. № 3. С. 415.

⁴ «Старая песня на новый лад» В.А. Жуковского опубликована вместе со стихами А.С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» в книжке «На взятие Варшавы», вышедшей в свет в сентябре 1831 г.; см: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. М., 2000. С. 281–283.

⁵ Стихотворцы, которые в Москве ходили в шинели по домам с поздравительными одами.

⁶ «Певец во стане русских воинов» (1812). Это патриотическое стихотворение написано Жуковским в штабе Кутузова под Тарутином. В нем поэт поднимает патриотическую тему, воздает хвалу русскому оружию и героизму воинов. Этим объясняется популярность стихотворения в период войны 1812 года. В тысячах списков оно разошлось в армии и в стране и доставило поэту большую известность, и стало одним из образцов русской поэзии.

⁷ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. IX: 1813–1852 гг. СПб., 1884. С. 155–156; Литературное обозрение // Вестн. Европы. 1884. № 3. С. 389–390.

⁸ Жуковский В.А. Русская слава // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 283–286. («Наши мстительные бомбы / На кипящий бунтом град...»).

⁹ «Победа! Сердцу / сладкий час! / Россия! встань и / возвышайся! / Греми, восторгов / общий глас!.. / Но тише, тише / раздавайся / Вокруг одра, где он / лежит, / Могучий мститель / злых обид, / Кто покорил / вершины Тавра, / Пред кем / смирилась / Эривань, / Кому суворовского / лавра / Венок сплела / тройная брань». См: Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. СПб., 1997. Именно такие лестные строки посвятил И.Ф. Паскевичу А. Пушкин в специально написанном по этому поводу стихотворении «Бородинская годовщина». «Могучий мститель злых обид» – И.Ф. Паскевич, руководивший взятием Варшавы.

¹⁰ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. IX. С. 157–158.

¹¹ Там же. С. 159.

¹² Уже давно между собою / Враждуют эти племена; / Не раз клонилась под грозою / То их, то наша сторона. / Кто устоит в неравном споре: / Кичливый лях, иль верный россе? / Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? вот вопрос... / Вам непонятна, вам чужда / Сия семейная вражда; <...> / И ненавидите вы нас / За что ж? ответствуйте: за то ли, / Что на развалинах пылающей Москвы / Мы не признали наглой воли / Того, под кем дрожали вы? / За то ль, что в бездну повалили / Мы тяготеющий над царствами кумир / И нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир? <...> / Иль нам с Европой спорить ново? / Иль русский от побед отвык? Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды, / От финских хладных скал до пламенной Колхиды, / От потрясенного Кремля / До стен недвижимого Китая, / Стальной щетиною сверкая, / Не встанет русская земля?. / Так высылайте ж нам, витии, / Своих озлобленных сынов: / Есть место им в полях России, / Среди нечуждых им гробов.

¹³ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. IX. С. 158.

¹⁴ Стихотворение «Бородинская годовщина» написано 5 сентября 1831 г. после получения известия о взятии Варшавы 26 августа, совпавшего с годовщиной Бородинского сражения. <...> / Сбылось – и в день Бородина / Вновь наши вторглись знамена / В проломы падшей вновь Варшавы; / И Польша, как бегущий полк, / Во прах бросает стяг кровавый – / И бунт раздавленный умолк. / ...И Польши участь решена. / Победа! сердцу сладкий час! / Россия! встань и возвышайся! / Греми, восторгов общий глас!...».

¹⁵ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. IX. С. 159;

¹⁶ Этот вывод о восстании декабристов в 1825 г. Вяземский сделал 4 декабря 1830 г. (Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. IX. С. 150).

¹⁷ *Истрин В.М.* Из документов архива братьев Тургеневых / Журн. М-ва нар. просвещения. 1913. Март. Ч. XLIV. С. 18.

¹⁸ *Муравьёва О.* «Вражды бессмысленный позор»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6.

¹⁹ Вяземский записался в 1-й конный ополченский полк.

²⁰ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII: 1855–1877 гг. СПб., 1882. С. 202; Рус. архив. 1866. Вып. 2. С. 231.

²¹ Рус. архив. 1866. Вып. 2. С. 221.

²² Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. С. 202, 203, 204. См: *Бондаренко В.В.* Вяземский. М., 2004.

²³ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. С. 206.

²⁴ Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 184; По мнению некоторых исследователей, рассказ Вяземского об участии в сражении был использован Л. Толстым при создании «Войны и мира».

²⁵ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. С. 201, 208.